

На второй день официальных отношений Чи Чжоу и Лю Шэня возобновили свидания.

Чи Чжоу никогда не задумывался над тем, что надеть. Он всегда брал первое попавшееся на глаза. Однако сегодня, собираясь выходить, он вдруг вернулся обратно в комнату.

Ван Чжиюй, заметив его движения, спросил:

— Забыл что-то?

— Нет.

Чи Чжоу стоял около обувницы, выбирая. В итоге он остановился на черно-красных кроссовках из своей коллекции, решив, что они сочетаются с цветами тех, что часто носил Лю Шэнь.

— Ты вернулся только для того, чтобы поменять обувь? — Ван Чжиюй оказался сбит с толку всем этим процессом.

— Стильно, да? — кивнул Чи Чжоу.

— Разве они не одинаковые? — взглянул на голубые кроссовки, из которых только что вылез Чи Чжоу. — Они что сломались?

— Не-а.

— Тогда зачем переобуваться из голубых в красные?

— Они все стильные, но эти стильные по-другому.

А что более важно, он помнил, что кроссовки Лю Шэня тоже черно-красные.

Задумавшись, Чи Чжоу посоветовал Ван Чжиюю:

— Не будь таким натуралом.

Чи Чжоу, теперь в своих новых кроссовках, радостно отправился на свидание.

Хоть теперь всё было по-настоящему, место осталось прежним.

Когда Чи Чжоу увидел Лю Шэня, первым делом он посмотрел на кроссовки.

И застыл.

Лю Шэнь тоже надел новую пару кроссовок, явно специально.

Единственная проблема? Они голубые.

—... Почему ты надел новые кроссовки? — слегка расстроено спросил Чи Чжоу.

Лю Шэнь проследил за его взглядом и увидел черно-красные кроссовки на ногах Чи Чжоу, по стилю похожие на те, что он обычно носил.

— Ты тоже надел новые, — поднял бровь Лю Шэнь. — Пойдем. Это все еще считается за парную обувь.

С того дня, как Чи Чжоу решил стать геем, он стал одержим всем парным, словно хотел набить

себе на лбу: «Я гей, и у меня есть парень».

Они шли рука об руку, нося сочетающиеся украшения, и пили один баббл ти, как вдруг Чи Чжоу остановился.

— Мы можем сделать что-нибудь еще более гейское? — спросил он.

Как будто они проделали все стереотипные гейские вещи во время их шуточных отношений.

— Есть идеи? — потянул Лю Шэнь за палец Чи Чжоу.

— Знаешь, — сказал Лю Шэнь небрежным, но все же наводящим на размышления тоном, его взгляд упал на губы Чи Чжоу, — мы никогда не делали того, что делают только пары.

Чи Чжоу моргнул, его мозг закрутился в поисках ответа. Осознание поразило его, как удар молнии.

— Я понял! — взволнованно захлопал в ладоши он.

Схватив Лю Шэнь за запястье, Чи Чжоу отвел его под тень большого, покрытого листвой дерева. Его ветки раскинулись по сторонам, создавая пятнистые тени, танцующие на их листьях. Рассеянный луч пересек плечо Чи Чжоу, осветив его красочную улыбку.

Лю Шэнь слегка наклонился, его губы изогнулись в довольной улыбке, он ожидал, какое заявление сделает Чи Чжоу. Его поза была почти благоговейной, как у набожного верующего, ожидающего божественного откровения.

Чи Чжоу встал на носочки, его руки обхватили Лю Шэнь за шею, пока он приближался. Их лица разделяли сантиметры, когда Чи Чжоу, честно посмотрев в глаза Лю Шэнь, громко провозгласил:

— Я расскажу всем!

—... — Лю Шэнь.

Лю Шэнь выпрямился и, тихо выдохнув, ущипнул себя за переносицу. Он не мог не подивиться, действительно ли Чи Чжоу понимает, что значит быть геем.

Не подозревающий ни о чем, Чи Чжоу забронировал билеты на поезд и заявил, заполняя данные для оплаты:

— Не волнуйся, я не позволю никому тебя обижать.

В тот же вечер Чи Чжоу затянул Лю Шэнь к себе домой и усадил его за обеденный стол.

Подход Чи Чжоу к событиям, которые могли изменить его жизнь, был таким же дерзким, как у пилота-камикадзе. Он сразу перешел к делу, выдав целую тираду:

— Мама, я гей. Мне нравится Лю Шэнь. Мы встречаемся. Он замечательный человек, и мы любим друг друга. Я надеюсь, что ты не будешь против.

С каждым новым предложением он сбрасывал очередную словесную бомбу. А когда закончил, мама Чи Чжоу сидела в пораженном молчании, словно ее поразила череда молний.

Стало невыносимо тихо.

Мать Чи Чжоу глубоко вздохнула, отчего у обоих по спине пробежали мурашки.

Чи Чжоу нервно сжал руку Лю Шэня сильнее, а другую руку поднял в воздух, готовясь защитить Лю Шэня в случае чего. Он уже решил: если будет пощечина, он встанет под нее вместо Лю Шэня.

Лю Шэнь нежно стиснул пальцы Чи Чжоу, молчаливый сигнал сохранять спокойствие. Ровным голосом он начал:

— Тетя, я...

Прежде чем он смог закончить, мать Чи Чжоу вклинилась.

Она подняла руку. Только для того, чтобы взять палочки и положить кусок мяса в тарелку Лю Шэня.

С глубоким, почти театральным вздохом она сказала:

— Этот день все-таки настал. Я долгое время подозревала, — продолжила она, будто ее только что оправдали. — Когда ты принес в дом гуся и пытался научить его распознавать Лю Шэня по фото, я уже почувствовала, что что-то не так.

Глаза Чи Чжоу тревожно расширились. Почувствовав, что его постыдное прошлое неминуемо раскроют, он попытался вмешаться:

— Погоди, там все было не так, как кажется...

Но его мать продолжила говорить:

— Ты все время говорил о Лю Шэне. А сейчас вы встречаетесь, я не удивлена.

— Не все время, — пробормотал Чи Чжоу, слабо попытавшись оправдаться.

Любопытство Лю Шэня проснулось. Он приподнял голову, спрашивая:

— Что он говорил?

— О, что-то по типу: «Я ненавижу Лю Шэня!» — это было его любимым. Или «Лю Шэнь так раздражает! Он может хоть что-нибудь сказать?». Вот скажи мне, кто ненавидит кого-то, потому что они с ними не разговаривают?

Лю Шэнь тихо хмыкнул.

— Кхм, — специально два раза покашлял Чи Чжоу, торопливо накладывая еду в мамину тарелку. — Мама, покушай! Давай не будем об этом, хорошо?

Однако мама Чи Чжоу только разогревалась.

— О, я хорошо знаю сына. Помнишь, когда тебе было пять, и ты влюбился в бабушкину собаку? Бедняжка не хотела играть с тобой, но ты продолжал гладить ее. Когда она укусила тебя, ты побежал домой, крича о том, насколько сильно ты ненавидишь собак. И все же, когда она умерла, то плакал сильнее всех. Ты даже украл две упаковки ребрышек, чтобы закопать их

рядом с будкой, как подношение, но бабушка поймала тебя и выпорола.

—... Я не думаю, что такое было, — неловко почесал нос Чи Чжоу.

— И ты думаешь, я не заметила твою «спрятанную красавицу» в тот день. Это было слишком очевидно. Ты и правда думаешь, что можешь одурачить меня?

— Спрятанную что? — лицо Чи Чжоу стало похоже на свеклу. Пытаясь выкрутиться, он выпалил. — В каком месте он «красавица»? Где красавица?

— Ладно, ладно, — мать бросила выразительный взгляд на их сцепленные руки. — А теперь отпустите друг друга и поешьте. Я не настолько старомодна.

Чи Чжоу неохотно опустил руку Лю Шэня, нервно посмеявшись.

Мать Чи Чжоу добавила еще два куска мяса в тарелку Лю Шэня и показала ему есть больше.

Рассматривая увеличившуюся тарелку с едой, Лю Шэнь внезапно вспомнил о прошлом, сейчас обрастающем теплом из-за Чи Чжоу. Он поднял голову, чтобы встретиться с взглядом матери Чи Чжоу.

Она по-доброму улыбнулась и сказала:

— Если вы двое действительно любите друг друга, для меня нет причин быть против.

— Я позабочусь о нем, — выпрямился и серьезно сказал Лю Шэнь.

— И я тоже позабочусь о нем! — не желая оставаться позади, Чи Чжоу быстро вклинился.

Его мать одобрительно кивнула, пододвигая блюда ближе к ним.

— Я поняла, ваша любовь похожа на камень. А теперь поторопитесь и ешьте.

*

В этот же вечер, попрощавшись с Лю Шэнем, Чи Чжоу был все еще слишком взбалмошен, чтобы спать. Он решил опять доставать Камня.

«Милый малыш Старшего»: Второй день, как я гей, и уже рассказал маме. опередил 100% геев по всему миру.

«Камень»: Ты знаешь, что у меня сегодня дедлайн?

«Милый малыш Старшего»: Ой, прости.

«Милый малыш Старшего»: Если тебе станет от этого лучше, то я пригласил Лю Шэня к себе домой сегодня. Мама не была против, на самом деле он ей вполне нравится.

Камень написал: «Я против» в строке ввода, всего в шаге от того, чтобы отправить.

... Если его дорогой бро стал геем, он хотел умереть, но чувствовал, что умереть должен кто-то другой.

«Камень»:..... Если я официально возьму назад слова и стану умолять, который сказал

несколько дней назад, и стану умолять, ты можешь обратно стать натуралом?

«Милый малыш Старшего»: Слишком поздно, уже заскринено [фото].

На фотографии было сообщение, которое написал Камень: «Неважно, кто тебе нравится: мужчина, женщина, человек, призрак или собака. Ты всегда будешь моим лучшим бро».

«Камень»:.....

«Камень»: Я могу принять, что парень моего брата ведет себя, как псина, но я не могу принять, что мой братан — псина *улыбка*.

«Милый малыш Старшего»: Хорошо, но напоминаю.

«Милый малыш Старшего»: Из нас двоих ты одинок.

На другом конце одинокий товарищ кинул телефон от беспомощной злости и сердито вернулся к работе над дипломом.

Чи Чжоу опустил телефон и еще раз искренне вздохнул:

— Быть геем так хорошо, мне нравится быть геем.

<http://bllate.org/book/15922/1707290>